РЯДОМ С ДРУГОМ И УЧИТЕЛЕМ

«...Эти дни были самыми счастливыми днями и в моей жизни и в жизни ребят. Я, между прочим, считал, что Алексей Максимович — гость колонистов, а не мой, поэтому постарался, чтобы его общение с колонистами было наиболее тесным и радужным. Но по вечерам, когда ребята отправлялись на покой, мне удавалось побывать с Алексеем Максимовичем в близкой беседе. Беседа касалась, разумеется, тем педагогических. Я был страшно рад, что все коллективные наши находки встретили полное одобрение Алексея Максимовича, в том числе и пресловутая «военизация», за которую еще и сейчас покусывают меня некоторые критики и в которой Алексей Максимович в два дня сумел разглядеть то, что в ней было: небольшую игру, эстетическое прибавление к трудовой жизни, все-таки трудной и довольно бедной. Он понял, что это прибавление украшает жизнь колонистов, и не пожалел об этом».

А. МАКАРЕНКО.

«Максим Горький в моей жизни».

На снимке: А. М. Горький и А. С. Макаренко. Куряж, 1928 г.

«...В Коктебеле он поселился на одной из дач у моря, часто бывал у меня, снимался с моей семьей. У меня до сих пор хранится фотография: на коленях у Алексея Максимовича сидит моя трехлетняя дочь Наташа, в руках у нее и у Горького полно кукол, у обоих на лицах выражение гордости, граничащее с высокомерием...

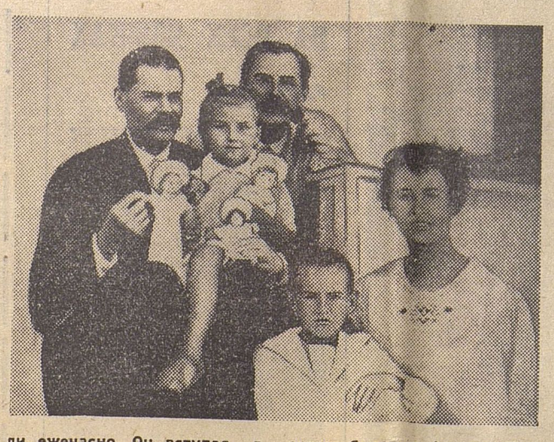
В Коктебеле мне пришлось убедиться в огромной эрудиции Алексея Максимовича. Как-то гуляли мы с ним по берегу моря. В сухих прибрежных травах проскользнула бегущая птица. Алексей Максимович тотчас назвал ее породу и рассказал ее пташечью биографию, попутно развернув целую картину родственного ей пернатого царства; взяв в руки камешек, каким так славится коктебельский пляж, прочел мне целую лекцию по минералогии, рассказал историю потухающего вулкана Карадага, а в связи с ним и историю Коктебельского залива.

Время было бурное. Стоило сойтись двум-трем человекам, как завязывались страстные споры, быстро перерастающие в летучие митинги. Вокруг Горького дискуссии возникали ежечасно. Он вступал в борьбу с самыми разнообразными противниками, начиная от декадентских поэтов до махровых реакционеров. Речь его была страстна и убеждала.

После 1917 года мне пришлось бывать у Алексея Максимовича довольно часто...»

К. ТРЕНЕВ.

«Мои встречи с Горьким».



На снимке: А. М. Горький, К. А. Тренев с женой и детьми. Коктебель, 1917 г.

Редкий снимок.

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ПЕРВОИСТОЧНИКУ

Г. ТОВСТОНОГОВ,
народный артист СССР

РЕЖИССЕР РАЗМЫШЛЯЕТ О СЦЕНИЧЕСКОМ ВОПЛОЩЕНИИ ПЬЕС ГОРЬКОГО СЕГОДНЯ.

СУЩЕСТВОВАЛА одно время легенда, что прекрасную, талантливую, умную драматургию А. М. Горького наши зрители любят в чтении и не любят на сценических подмостках. И вот все реже стали появляться премьерные афиши. В репертуаре сохранялись горьковские постановки, но играли они нечасто.

В чем причина столь странного заблуждения?

Мысленно возвращаясь к театральной практике тех лет, находишь ответ отнюдь не однозначный. Но главная причина все-таки заключалась в том, что сложились нерушимые каноны понимания и сценической трактовки горьковских произведений. В звучании спектаклей доминировали некое тематическое единообразие, односложность решения конфликтов, почти классицистический принцип распределения красок. Как правило, в общем решении спектаклей Горький-публицист преобладал над Горьким — острым психологом. Конечно, отсюда, от этих холодных, копиистских спектаклей и пошла прежде всего легенда о несценичности горьковских пьес.

Живая практика множества художественных коллективов, которые в наши дни ставят Горького, Чехова, Достоевского, Гоголя, доказала — классики потому именно и стали классиками, что их произведения живут в веках бессмертной, неувядаемой жизнью, что они всегда современны.

Около десяти лет назад, когда я раздумывал над своей первой постановкой пьесы Горького в Ленинградском Большом драматическом театре, носящем его имя, я лишь начинал для себя практически формулировать те принципы, которые сейчас кажутся нам столь аксиоматичными. Да и для творческого коллектива, с которым мы вместе готовились работать над Горьким, нужно было пройти своеобразный процесс «очищения» от привычных представлений, от ложно понимаемых традиций, от постановочных штампов, наконец. Мы стремились принести на театральные подмостки не «театрального» Горького, знакомого уже по десяткам сценических «репродукций». Мы хотели прикоснуться к самому Горькому, к первоисточнику, так сказать. Мы хотели играть не театральных героев, уже неоднократно появлявшихся на подмостках, а живые характеры людей, чья судьба когда-то взволновала великого писателя.

Мы ставили «Варваров», и поиски «современного» прочтения шли прежде всего по линии определения современности, отчетливости звучания сегодняшней мысли произведения. Мы понимали, что нам недостаточно того, чтобы умные и интеллигентные люди, наши зрители, просто вслушивались в текст Горького, отдавая дань уважения его рассуждениям о жизни. Горький всегда публицистичен. Но публицистичность пьес Горького не противоречит их сложной психологической основе, она должна возникать из сложного жизненного потока событий, ощущений, неожиданных столкновений, конфликтов и поступков, а не заявлять о себе декларативно и назойливо. Именно декларативности, внешней назойливой «публицистичности» боялись мы, стремясь вернуть «сценичность» произведению великого классика.

...Провинциальной России, которую описывает Горький в «Варварах», и людей, населяющих ее, давно уже нет, но осталось еще варварство в нас самих. Варварство, проявляющееся в родительском эгоизме, варварство в равнодушии к чужой судьбе. Варварство старомодное и варварство, щеголяющее в модных одеждах. Горький со всей страстностью большого художника-гуманиста призывает нас умножать в себе человеческое. Он предупреждает что однажды измена человеческому может привести к катастрофе.

С самого начала работы над спектаклем мне казалось, что многие режиссеры неточно определяют жанр этой пьесы как бытовой драмы. Нет, мы не стремились во что бы то ни стало сделать наш спектакль непохожим на другие постановки. Но чем дальше мы погружались в атмосферу «Варваров», тем яснее складывалось убеждение, что это трагикомедия. На мой взгляд, жанр этот заложен в самом произведении. Недаром так часто в смешном писатель обнаруживает трагическое, в трагическом — смешное. Автор подбирает такие повороты, когда доведенные до гротеска комедийные сцены оборачиваются страшными.

Ключевой в этом смысле стала для нас сцена в последнем акте, когда Надежда Монахова, потрясенная крушением своего идеала, воплощенного в Черкуне, просит Цыганова выйти с ней вместе на крыльцо. «За вами я — куда угодно... хоть на крышу!» — отвечает с шутовскими интонациями Цыганов.

Не успевает замолкнуть смех в зрительном зале, как раздается выстрел — Надежда Монахова застрелилась.

Какой острейший сюжетный, именно сюжетный ход! Какой великолепный поворот! А ведь во многих театрах эта реплика, по просьбе исполнительницы роли Надежды, вымарывалась. Казалось, она нарушает трагическую напряженность сцены. Но Горький, надо полагать, не случайно заставил Цыганова произнести эти слова. В том трагическом фарсе, который зовется жизнью в маленьком провинциальном городке начала века, люди не понимают друг друга.

Да, именно в контрасте смешного и трагического я видел ключ к решению пьесы. И пытался этим ключом открыть **все** характеры в «Варварах». Зрители, судя по их реакции, не просто размышляли о проблемах, поднятых Горьким. Они плакали и смеялись. И если бы я сейчас вернулся к этой пьесе, я решал бы ее по мысли так же. Может быть, только средства выразительности искал бы иные...

И вот — новая работа. «Мещане». Мы должны прежде всего ответить на столь важный и сегодня вопрос: что такое мещанство?

Канарейка в клетке, герань на окне, граммофоны, на смену которым пришли транзисторы, и другие приметы видимой современности — лишь внешние признаки явления, не раскрывающие его существа. Мещанство же явление социально опасное. Это определенный образ мышления, определенный строй человеческой психики. В чем же заключается его опасность? Почему сегодня пьеса Горького «Мещане» может быть взята нами на вооружение?

Только точный и очень конкретный ответ на эти вопросы давал мне право взяться за ее постановку. Пусть мои ответы будут субъективны, пусть они не охватят всего явления, а подчеркнут одну из его сторон, но если подмеченное мною отразит подлинность каких-то жизненных закономерностей, я имею право на разговор с современниками потому, что в таком случае спектакль не может не вызвать раздумий, полезных для зрителей.

Горький ставит проблему мещанства философски объемно — в основе пьесы реальные столкновения реальных людей, за которыми встают полнейший абсурд и бессмысленность их жизни. Эти люди вовлечены в круговорот мертвых понятий, изживших себя представлений, уцененных ценностей, иллюзорных, придуманных отношений. И не могут вырваться из этого бессмысленного круговорота, потому что он сильнее их.

Определить круг наваждения, в который попали эти люди и который сделал абсурдным само их существование, было для меня главным в процессе работы. Но как найти этот круг наваждения, чтобы разговор пошел не в русле общих рассуждений, а обрел предметность? Так возникла в нашем спектакле тема сложных отношений людей и вещей.

Кульминацией в развитии этой темы в спектакле стала сцена, когда Бессеменов начинает переставлять горшки с цветами, чтобы серьезно, как призыв о помощи, крикнуть: «Полицию зови!» В тот момент, когда он осознает, что своими силами он не может удержать от крушения мир собственного дома, когда конфликт внутри семьи достиг своего апогея, он аккуратно и педантично расставляет горшки по местам, потому что все должно стоять на своих местах, во всем должен господствовать раз и навсегда установленный порядок.

Этот мир и эти люди себя изжили, психологически и по существу, — в этом заключается революционное звучание пьесы.

Да, в каждом произведении классики нужно искать прежде всего то, что вечно, что представляет интерес для сегодняшнего человека. Историческая достоверность является **непременным**, обязательным условием при решении классического произведения. Новое прочтение классики всегда связано с новым осмыслением жизни с позиций современности.

Горьковские пьесы, вообще классическая драматургия таят в себе нечто важное для всех времен и помогают нам в нашей борьбе за нового человека. Каждая пьеса по-своему. Поэтому нельзя проблему сегодняшнего прочтения классики ставить умозрительно, надо точно определить, что важно в данной пьесе сегодня. И если самое существенное, самое необходимое будет вскрыто изнутри, тогда пьеса будет живой, тогда ее герои не превратятся в экспонаты из музея мадам Тюссо, несмотря на достоверные исторические костюмы и грим. Нельзя «модернизировать» классику внешними приемами и считать на этом основании свой спектакль «новаторским». Но необходимо всегда читать ее «свежими, нынешними очами».

ДАНКО В КРАСКАХ ПАЛЕХА

ТАК бывает часто: ездишь по земле и неожиданно, не готовясь к тому, встречаешься с Горьким.

В палехских художественных мастерских мне сказали:

— Хотите посмотреть книги Алексея Максимовича?

Мы зашли в библиотеку. Несколько полок заставлено тяжелыми томами в кожаных переплетах с золотым тиснением. Это редчайшие монографии о художниках, альбомы по иконографии...

— Горький прислал их в Палех из своей личной библиотеки.

Подарок писателя (около 200 томов) положил начало библиотеке палехских мастерских. Но вернувшись в Москву, я вспомнил еще об одной книге. Ее Алексей Пешков юношей читал вслух «богомазам» из Палеха, Холуя, Мстеры, работавшим в иконописной мастерской. Это был «Демон» Лермонтова. Книга, которая потрясла иконописца-личника Жихарева («Это — житие! Ах, демон, демон...»), описанного «В людях». Жихарев мечтал написать Демона и книгу оставил себе. Вот судьба этой книги — какова она?

После революции один из лучших художников-палешан Иван Вакуров создал композицию по лермонтовскому «Демону». Вакуров расписывает шкатулку «Буревестник», вводя в романтический сюжет образ самого писателя: «Мне хотелось написать так, чтобы море вместе с небом кипело, как металл в котле, чтобы бурей кидало горы. И все исходило бы от того человека, который стоит на красной горе... Мне хотелось, чтоб этот человек был похож на рабочего, и на писателя, и на строителя, и чтоб мог управлять государством...»

Как непохожи вакуровская шкатулка и его вдохновенные слова на горьковское воспоминание о иконописной мастерской, где «какой-то злой мудрец раздробил работу на длинный ряд действий, лишенных красоты, неспособных возбудить любовь к делу, интерес к нему».

В сегодняшнем музее Палеха на пластинах, шкатулках, ларцах, в книжной миниатюре, в неповторимом живописном письме палешан оживают литературные образы Пушкина и Гоголя, Лермонтова и Бомарше, Некрасова и Крылова, Гёте и Шекспира... Не здесь ли след той давней книги, лермонтовской поэмы, прочитанной Горьким вслух в дымной и душной иконописной мастерской?

С 1924 года, когда в селе была организована «Артель древней живописи», писатель зорко, с личной заинтересованностью оберегает судьбу Палеха. Не раз вспоминает о нем в письмах Ромену Роллану. Горький способствует привлечению мастеров Палеха к книжному иллюстрированию. «Мысль — превосходная, — пишет он М. Сокольникову (художественному редактору издательства «Academia») о намерении поручить палешанам оформление «Слова о полку Игореве». — Осуществив ее, Вы создадите интереснейшее издание... необходимо дать всю иллюстрационную работу одному, и лучшему, мастеру, а не группе различно даровитых. Таким «одним» и самым талантливым является Иван Иванов Голиков». И появятся позже изумительные иллюстрации «Слова», выполненные по совету Горького Иваном Голиковым.

Мастеров Палеха постоянно привлекают и темы горьковских произведений. К шедеврам палехских лаков относят шкатулку «Старуха Изергиль» работы Александра Котухина, шкатулку «Данко» Дмитрия Буторина, «Буревестник» Ивана Вакурова, «Песню о Соколе» Николая Зиновьева. Эти сюжеты самобытно трактовали и другие мастера. Ведь палехская живопись не знает повторений, даже в традиционных «тройках», «охотах» и «хороводах».

«ДАНКО». Шкатулка. Работа Д. Буторина.

Перед отъездом из Палеха я побывал у художников. Я увидел в работе несколько горьковских композиций: «Данко», «Старуху Изергиль», «Мать», «Песню о Соколе»... Но молодые художники просили не называть их имен. По известному правилу, не принято говорить о незаконченных работах. И, пожелав мастерам успеха, я в последний раз прохожу по улицам Палеха, этого необыкновенного села, где никогда не бывал Горький, но оставил о себе добрую память.

А. ВАСИЛЬЕВ

ПАЛЕХ

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

В. А. ЗАКРУТКИНУ — 60 ЛЕТ

В связи с шестидесятилетием Виталия Александровича Закруткина секретариат правления Союза писателей СССР направил ему приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Дорогой Виталий Александрович, сердечно приветствуем Вас в день Вашего 60-летия. Всю свою жизнь Вы посвятили советской литературе. Вы служили ей и пером публициста, и оружием критика, и, наконец, как большой писатель-прозаик. Исследователь, кандидат филологических наук, Вы проводили многие недели и месяцы в глухих районах Дальнего Востока, в станицах и хуторах родного юга России, стремясь постигнуть народную жизнь в ее великом поступательном движении. Этот опыт Вы великолепно отразили в Ваших талантливых произведениях. В романе «Пловучая станица», удостоенном Государственной премии СССР, в романе «Сотворение мира», в многочисленных повестях и рассказах, очерках и статьях времен Великой Отечественной войны и мирных строек, в трудах по фольклору и этнографии Вы непременно сохраняете единую цель, единый смысл своей деятельности и творчества — постижение подлинного духа и смысла народной жизни.

Литературная работа для Вас неразрывна с гражданской активностью, с выполнением больших и ответственных поручений в Ростовской писательской организации и на посту секретаря правления Союза писателей Российской Федерации.

Желаем Вам долгих лет здоровья, новых успехов в творчестве, в общественной и научной работе, дорогой Виталий Александрович».

Поздравили юбиляра также и секретариаты правлений Союза писателей РСФСР и Московской писательской организации.

ПОСТИЖЕНИЕ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

Летом 1943 года, проездом на черноморский участок фронта, я повстречался с Виталием Закруткиным, работавшим тогда в армейской газете. Встреча произошла в Тбилиси. К нам зашел стройный, молодцеватый офицер с пшеничными усиками, кавалерийскими значками на погонах, не помню, возможно, наличествовали шпоры. Закруткину исполнилось тогда 35 лет. В его боевой биографии были штрихи, оставившие на мужественном, смуглом лице несколько зарубок и ранних морщин. Закруткину пришлось отступать от рубежа Дона, быть свидетелем и участником героических сражений в горах Кавказа, и вот, наконец, жаркий невмоготу Тбилиси, внешнее спокойствие фактически прифронтового города, и воспоминания, частичка из пережитого, поведанная хрипловатым голосом, острые наблюдения, тревоги и неиссякаемый оптимизм. Да, всегдашний оптимизм — это в характере Виталия Закруткина.

Когда уже после войны я раскрыл «Кавказские записки», они захватили меня врасплох, — не ожидал! Приятно и радостно сознание — возник новый, думающий, незаурядный писатель. С первых же строк захватило, увело в горы, красочно и правдиво открылся мир человеческих взаимоотношений на грани жизни и смерти. В этом произведении явственно сказалась всегда отличавшая Виталия Закруткина высокая требовательность к себе.

Закруткин мужает в литературе. Его перо безошибочно, будто скальпелем, вскрывает пласты народной жизни. Из печати выходят «Пловучая станица» и, наконец, «Сотворение мира». Он поселяется на Дону, в станице. Оттуда, с родной земли, он черпает живое слово, неутомимо обрабатывает его, анализирует материал эпохи.

Читатель внимательно следит за развитием центрального литературного произведения Закруткина — «Сотворение мира». Судя по первым книгам задуманной им эпопеи, дело у него спорится, сил не убывает, глаз становится острее, дыхание ровнее, накопленный им запас наблюдений пополняется.

Нам остается пожелать дорогому другу Виталию жить и жить, творить и творить еще долго-долго!

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ

С. В. САРТАКОВУ — 60 ЛЕТ

Сергею Венедиктовичу Сартакову исполнилось 60 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР обратился к юбиляру с приветствием, в котором, в частности, говорится:

«Дорогой Сергей Венедиктович, сердечно приветствуем Вас, замечательного писателя, нашего друга и товарища, в день Вашего славного 60-летия.

С детских лет Вы познали тяготы и заботы рядовых тружеников. Вместе с ними, в их среде Вам пришлось пережить многие важные события нашей отечественной истории. Этот богатый опыт нашел свое яркое, талантливое выражение в Ваших произведениях, наполнив их реальным восприятием народной жизни. Вдохновенно Вы рассказываете о чудесной мощи Сибири, о душевной красоте и силе ее людей. С появлением эпопеи «Хребты Саянские» Вы вошли в ряд крупных прозаиков нашей страны.

В памятный день Вашего юбилея мы не можем не сказать еще об одном Вашем качестве — чувстве долга и ответственности. И где бы Вы ни работали, с кем бы ни общались, Вам свойственно спокойное, убежденное отношение к делу, умение отстаивать партийную точку зрения, доводить любое начинание до конца.

От души желаем Вам, дорогой Сергей Венедиктович, в день Вашего юбилея новых творческих успехов и доброго здоровья на многие годы».

Поздравили юбиляра также секретариаты правлений Союза писателей РСФСР и Московской писательской организации.

ХУДОЖНИК ЗЕМЛИ СИБИРСКОЙ

Талант — явление не столь частое, как иногда кажется. И куда более редкостным бывает сочетание литературного таланта с богатством виденного, пережитого, прочувствованного и осознанного. Именно это сочетание и порождает произведение. Порождает и самого творца. Чем сложнее и многообразнее жизнь одаренного человека, тем сильнее, правдивее и ярче создаваемое им.

Детство Сергея Сартакова, начавшееся в Омске, в семье железнодорожного служащего, рано перешло в нелегкую, трудовую таежную юность. Болезнь отца заставила Сартаковых поселиться на ручье Кирее в поселке о четырех домах в малохоженой Саянской тайге. Вот тут-то десятилетний Сергей Сартаков испытал, как «легка» охота в тайге, сколь «сладка» добыча кедровых орехов, до чего «весело» гнать деготь, гнуть сани... Словом — трудиться по сезонным возможностям, вырывая у хитрой и цепкой зажимщицы-тайги необходимое для существования.

Едва ли скажет и сам Сергей Венедиктович Сартаков, когда он начался как писатель. С публикации ли первой книжки «Алексей Худоногов» в 1945 году, или с первого школьного сочинения. А может быть, началом литературной деятельности следует считать 1936 год, когда С. Сартаков упорно и самозабвенно начал работу, потребовавшую восемнадцати лет жизни, над эпопеей «Хребты Саянские», отрогами которых, так или иначе, впоследствии стали все большие и малые произведения писателя.

Огромное трехтомное полотно «Хребты Саянские», а до этого роман «Каменный фундамент» и озорная, полная юношеских приключений повесть «По Чунским порогам» поставили Сартакова в первый ряд писателей Сибири тех лет.

Став жителем Москвы, С. Сартаков не расстался с родной Сибирью. Он там в каждом новом, своем произведении. Возьмете ли вы роман «Ледяной клад», или, тем более, «Философский камень», или повесть «Не отдавай королеву» и, уж конечно, прелестную, хрустальной чистоты поэму в прозе «Горный ветер» — художник всюду возвеличивает взрастившую его землю.

Память — главная кладовая таланта. И чем лучше запечатлела она пройденное, тем гуще заживет оно новой жизнью на листах рукописи. В арсенале памяти Сергея Венедиктовича ждут своей очереди тома и тома его новых сочинений. Так что в знаменательное шестидесятилетие автору произведений, прочно ставших на книжные полки, совсем негоже успокоительно и умильно радоваться, оглядываясь на содеянное. Оно заслуженно и весомо. Оно признано широким читателем и отмечено государством. И это очень и очень хорошо. Но еще лучше, достигнув многого, достигать большего. Потому что человеческая жизнь измеряется и оценивается не по годам, а по делам.

Очень многое еще впереди у стойкого, закаленного жизнью, по-сибирски крепкого человека и трудолюбивого художника С. Сартакова. Пусть его мягкое и доброе перо продолжает населять мир литературных героев сердечными, отзывчивыми и благородными людьми. Такими, как Тимофей Бурмакин из «Философского камня», как Лиза Коронотова из «Хребтов Саянских», как Алексей Худоногов из «Каменного фундамента»...

С днем рождения, дорогой товарищ! С днем шестидесятилетия! Успехов за рабочим столом!

Евгений ПЕРМЯК

«Литературная газета» от всей души присоединяется к этим поздравлениям.

ОТ МУЗЕЯ И АРХИВА А. М. ГОРЬКОГО

Музей и Архив А. М. Горького обращаются ко всем гражданам, у которых сохранились рукописи, письма, фотографии М. Горького, книги с его автографами, а также воспоминания о нем, с просьбой передать эти документы на государственное хранение.

Одновременно Музей А. М. Горького просит редакции республиканских газет, журналов и издательств прислать свои юбилейные номера издания, а республиканские театры — афиши, программы и фотографии новых постановок горьковских пьес.

Все материалы просим направлять по следующим адресам:

газеты, журналы, книги, фотографии, театральный материал и другие документы в Музей А. М. Горького — Москва, ул. Качалова, д. 6/2;

рукописи, письма и воспоминания о писателе в Архив А. М. Горького — Москва Г-69, ул. Воровского, 25-а.

Музей и Архив А. М. Горького заранее благодарят всех, кто откликнется на нашу просьбу, выражая тем самым глубокое уважение к памяти великого писателя.

ИНТЕРВЬЮ «ЛГ»

«ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1968»

Циклы литературных вечеров «Зачинатели советской поэзии» и «Премьера книги», издание «Библиотечки избранной лирики» и антологии «Муза в красной косынке», Дни, Недели, Месяцы поэзии и, наконец, традиционный сборник «День поэзии» — все это постоянные заботы московских поэтов.

Корреспондент «ЛГ» обратился к Михаилу Луконину, избранному недавно председателем бюро творческого объединения поэтов Московской писательской организации, с просьбой рассказать о планах работы объединения на ближайшее время.

— У нашего творческого объединения,— сказал М. Луконин, — сложившиеся традиции, которых мы будем придерживаться. В последние годы бюро поэтов, работавшее под руководством Ярослава Смелякова, подняло авторитет творческих вечеров, Дней поэзии в Москве.

Сейчас назрела, на наш взгляд, необходимость в большом разговоре о спорных вопросах поэзии. Не знаем, будет ли это общемосковская конференция или найдем иную форму для дискуссии, но мы планируем ее и надеемся на активное участие поэтов.

В ближайшее время состоится обсуждение новой книги стихов Александра Яшина, чье творчество интересует поэтическую общественность.

На наш взгляд, остро стоит вопрос о поэтической молодежи. Достаточно сказать, что сейчас в Московской организации всего три поэта моложе 30 лет. Это тревожное обстоятельство.

Конечно, в пределах короткого интервью трудно изложить все планы.

Скажу о главном, о том, что сейчас нас волнует больше всего — о традиционном ежегодник «День поэзии». Главным редактором его стал А. Сурков. В редколлегию вошли Б. Слуцкий, В. Цыбин, С. В. Смирнов, Н. Эскович, Ал. Михайлов, В. Соколов, составители сборника — О. Дмитриев, В. Португалов, С. Куняев. На этот раз мы решили не претендовать на охват поэтических сил всей России, тем более что во многих городах страны выходят свои поэтические ежегодники. Мы обращаемся к поэтам Москвы с просьбой и предложением принять участие в «Дне поэзии 1968» и не откладывать это дело надолго, потому что редколлегия решила принять рукописи до 30 апреля. Редколлегия работает в секции поэтов Московской писательской организации.